

Г. А. Корнишина

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СТАТУС БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ МЕТАЛЛА В КОНТЕКСТЕ ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОРДВЫ

Ключевые слова: семантика, ритуал, металлические предметы, апомропей, лечебная магия, заклинания, обрядовый шум, опахивание, дожинки.

В статье рассматривается семантический статус металлических предметов утилитарного назначения в обрядовых комплексах мордвы. Прослежены истоки, первоначальное значение и современное состояние этих важных структурных элементов традиционных ритуалов. Показано, что в обрядах они имеют различное символическое значение: могут указывать на их содержание, выполнять функции апомропей (оберега), лечебного средства и т.д. В заключение отмечено, что в процессе исторического развития материальная среда обрядовых комплексов мордвы сильно трансформировалась. С уходом из быта традиционных форм утвари и орудий труда из металла, исчезают многие связанные с ними ритуалы, изменяется и смысл их использования.

G. A. Kornishina

THE SEMANTIC STATUS OF HOUSEHOLD ITEMS MADE OF METAL IN THE CONTEXT OF RITUAL CULTURE OF THE MORDVINIANS

Keywords: semantics, ritual, metal objects, apotropaic, healing magic, spells, ritual noise, opahivanie, Dozhinki.

The article discusses the semantic status of the household items of metal in ritual complexes of the Mordvinians. The author analyzed the origin, original meaning and modern condition of these important structural elements of traditional rituals. It is shown that in the ceremonies, they have different symbolic meanings: they can express the content of the ritual, can function as a kind of apotropaic (amulets), can be used in medical magic, etc. In conclusion, the article notes that to date, the material scope of the ritual complexes of the Mordvinians have changed. In connection with the disappearance of the everyday life of many household goods of metal, vanish and many of the rituals associated with them, changes the meaning of the use of these items in rituals.

Традиционно-обрядовая культура мордвы является исторически сформировавшимся комплексом, который составляют разнообразные компоненты духовной и материальной сферы. Важную роль в них играли предметы утилитарного назначения, которые, включенные в тот или иной ритуал, приобретали определенный семантический статус. Информация, которая заключалась в том или ином материальном компоненте обряда, проявлялась в его контексте благодаря стереотипу, сложившемуся в течение длительного времени. В связи с этим их использование в ритуалах предопределялось народными традициями, которые поддержи-

вались осознанием того, что таков обычай (*истямо койсь*), так поступали предки (*истя покитят-бабат теить*).

Весьма распространенное применение в традиционной культуре различных народов, в том числе и мордвы, имели металлические предметы, прежде всего, железные (ножи, топоры, сошники, иглы). Они часто употреблялись в качестве оберегов (апомропеев) от несчастий, болезней, сглаза. Д. К. Зеленин относил зарождение веры в подобные свойства железных предметов ко времени появления у человека анимистических представлений о злых духах. Он считал что «отвращающая апомропейческая функция

оберегов-амулетов... развилась из оборонных функций простейших орудий» [4, с. 751]. Н. И. Толстой полагал, что магическая символика была изначально присуща именно металлу, а не предметам из него, которые не все являлись «предметами обороны» [15, с. 18]. К этой точке зрения близка и позиция Б. А. Рыбакова, соотносившего кузнечное дело с культом огня – Сварога у древних славян [13, с. 540].

И действительно, изготовление металлических изделий было связано с такими стихиями, как огонь и вода, которые и сами были древнейшими оберегами. Свои апотропейные свойства они как бы «передавали» предметам, изготовлявшимся с их помощью. Недаром в заговорных заклинаниях часто подчеркивается именно вид материала (железо, медь, серебро, золото), из которого сделаны те или иные вещи. При этом, конечно, играли роль и свойства металлов, например твердость, прочность. Это отражалось в словесной формулировке железного, медного и тому подобного забора, загородки. Предполагалось, что такая преграда труднопреодолима для невидимых сил. Учитывалась и форма самих предметов (заостренных, колющих), которые могли нанести «реальный» вред, т. е. проколоть, порезать, поранить. Так, участники обряда опахивания деревни во время эпидемии, произносили следующие слова:

Зачертим, загородим,
Заразу срежем,
Ухватями проколем... [11, с. 192].

Металлические предметы часто использовались в качестве защиты младенцев, которые считались наиболее уязвимыми для воздействия «нечистой силы». Полагали, что в течение первых шести недель жизни ребенка его может «съесть» колдун. Недаром у эрзи есть выражение: «Эйкакшом ведун сэвизи» («Моего ребенка съел ведун») [2, с. 71]. Чтобы спасти ребенка от такой напасти, повитуха уже во время первого обмывания его в бане, брала с собой нож, ножницы и топор. Ими она «окружала» (*перямс* – м., *пиремс* – э.) корыто, куда клала младенца после купания. Таким же образом поступали и дома: повитуха обводила ножом окна, двери, трубы и другие отверстия, через которые, якобы, колдуны могли проникнуть внутрь дома в виде

пламени [7, с. 207]. Мать каждый вечер в течение 40 дней с момента рождения ребенка также «огораживала» его колыбель. Нередко железные предметы клали младенцу под подушку. Оставляли их и в пустой колыбели из-за опасения подмены ребенка колдуном. В этом случае нередко к люльке подвешивали замок, «запирая» ее подобным образом от нежелательного «гостя». Это действие подкреплялось следующим заклинанием: «железной оградой загорожу, железными путами опутаю, железным обручем стягиваю» [1, с. 60].

Подобное использование металлических предметов имело место и в родильной обрядности других народов. Для предотвращения влияния «дурного глаза» марийцы клали в колыбель младенца нож и ножницы, а чувашки – сошник. Для предотвращения «сглаза» новорожденного изделия из железа применяли также удмурты и татары.

С помощью изделий из металла во время свадебных торжеств пытались уберечь от порчи невесту и жениха. До настоящего времени сохраняется обычай втыкать в одежду молодоженов иголки. Раньше полагали, что колдун, собираясь нанести им вред, поранит о них свои руки и это отвратит беду [3, с. 93]. Подобным же образом предохраняли новобрачных и марийцы, которые втыкали иголки или булавки в нагрудную вышивку рубахи и головных уборов.

Свадебный поезд у мордвы «охранял» старший поезжанин с ножом, косой, топором или саблей в руках. Вероятно, его изначальным «оружием» была сабля, так как у мокши этого свадебного персонажа называли *торонь канды* (*тор* – «сабля», *кандома* – «носить»). Затем сабля, по свидетельству В. Н. Майнова, стала заменяться: «за неимением ее косой или ножом» [10, с. 112]. Огораживание свадебного поезда старшим поезжанином проводилось перед отправлением за невестой, а также и после выноса последней из родного дома. При этом дружка три раза обходил вокруг поезжан, читая заклинания от «сглаза» и делая на земле кресты. В. Н. Майнов сообщал, что *торонь канды* чертил на земле не кресты, а мету жениха (*тяшть* – м., *тешть* – э.), чтобы «добрые силы догадались по этому знаку, кому они должны помогать» [10, с. 118]. Вероятно, до принятия христианства, именно такие знаки

и делались во время огораживания, постепенно они заменились крестами.

Старший поезжанин применял свое «оружие» и как знак устрашения. При выносе невесты из родного дома, она всячески сопротивлялась: хваталась за стол, косяки двери, перекладину ворот. Она проделывала это до трех раз. Затем дружка ударял саблей или другим предметом подле руки девушки, как бы угрожая ей, если она не покорится [10, с. 107]. Данный обычай продолжает бытовать в отдельных местах и в настоящее время. В с. Чувашское Урметьево Челно-Вершинского района Самарской области уредев так же ударяет ножом по косяку двери, чтобы прервать затянувшееся прощание невесты с домом. А в с. Пылкове Лопатинского района Пензенской области эта церемония несколько видоизменилась: уредев на косяках всех дверей делает топором кресты, чтобы девушка никогда не возвратилась назад в родительский дом (т. е. для предотвращения развода) [9, с. 110].

Металлические предметы фигурировали и в похоронно-поминальных обрядах. Они должны были «очистить» людей после контакта с покойным и предохранить их от смерти. Сразу после кончины тело умершего обводили ножом, а также водили им по его шее, груди, ногам. После того, как тело покойного клали в гроб, на место где оно лежало (обычно лавку) помещали косарь, нож или топор. Иногда нож втыкали в лавку, чтобы «поразить» смерть. С этим же намерением топором ударяли по тому месту, где ранее находилась голова умершего.

Железные предметы (топор, косарь) кидали и вслед похоронной процессии, стремясь таким образом «преградить» смерти дорогу в дом. При этом примечали, в какую сторону они упадут острой стороной. Если лезвие было направлено к дому, то полагали, что в нем вскоре опять будет покойник, и наоборот. Топор или косарь в данном случае служили и оберегами от смерти, а также и от самого покойника, который в облике приведения якобы мог приходить домой и пугать своих близких, поэтому могилу после погребения «огораживали», проводя вокруг нее три раза черту лопатой. В том случае, если призрак умершего (*шопача* – м., *чопача* – э.) все-таки начинал мерещиться и изводить

кого-либо из родственников, то тоскующего человека также «огораживали» ножом или топором. Радикальным средством избавления от злого призрака считались также колесные спицы, использовавшиеся на одной и той же телеге в течение 7 лет. Их надо было воткнуть в могилу или труп «надоедающего» мертвеца [14, с. 554, 556].

Железные предметы в качестве апо-тропеического средства применялись в похоронно-поминальном цикле и других народов. Чуваши, перед тем как взять из реки воду для обмывания умершего, клали в нее косарь или топор. Удмурты во время возвращения с кладбища проводили лопатой или топором черту поперек дороги, чтобы покойный не мог «вернуться» домой. Русские, как и мордва, ударяли топором или ножом по лавке, где стоял гроб, или просто клали на нее эти предметы.

Обряд «огораживания» совершался мордвой и в других случаях. Во время эпидемий, массового падежа скота вокруг села прокладывали борозду сохой или плугом, чтобы болезнь не могла в него проникнуть. Недаром по окончании обряда его руководитель произносил следующие слова: «Больше ты болезнь не приходи, мы перед тобой воздвигли железный забор» [17, с. 401]. Иногда борозды пропахивали по всем улицам села, делая на перекрестках кресты. Для усиления магического действия в данной церемонии могли дополнительно использоваться и другие железные предметы. Так, руководитель обряда опахивания в с. Баяеве Хвалынского уезда Саратовской губернии держал в руках нож, шило и иголку. А в Самарской губернии участники ритуальной процессии обходили село с ухватами, производя синхронные движения, изображавшие борьбу с болезнью [11, с. 192; 17, с. 400–401].

Опахивания проводились и в случае каких-либо природных явлений, якобы предвещавших несчастье. Например, И. Зорин описал подобный обряд, проведенный жителями с. Багана Бугульминского уезда Самарской губернии в мае 1910 г. по поводу пролетавшей тогда кометы. В нем принимало участие большое количество людей: 10 человек руководителей (7 женщин и 3 мужчины), 27 девушек, которых впрягли в соху (тогда как обычно «пахарей» было от 2 до 6).

Перед опаживанием были принесены жертвы семи богам [17, с. 403–411]. То есть против большой беды применяли как бы усиленный комплекс магических действий.

Подобные опаживания беговали и у соседней мордвы. У русского населения они были распространены повсеместно. Причем в некоторых местах соху тянули не люди, а кошки, петухи или собаки, обязательно черной масти [5, с. 96–98].

В отдельных мордовских селениях прокладывание борозды вокруг села совершалось ежегодно – перед началом или окончанием сева. В этом случае «железный забор» пропахивали, чтобы заранее предотвратить несчастья, которые могли угрожать посевам. В конечном счете это опаживание должно было обеспечить плодородие полей. Генетически оно тесно связано с подобными ритуальными запашками, опаживаниями реки, входившими в рождественско-новогодний и весенний циклы праздников многих европейских народов [6, с. 278–281, 323–325].

Возведение «железной преграды» практиковалось мордвой и в тех случаях, когда скот у хозяев «не шел»: давал мало продукции, приплода, часто болел. В этом случае хозяин три раза обводил двор косою и просил Юрг аву (покровительницу дома) уберечь животных от различных несчастий и обеспечить их плодovitость. Похожий обряд совершался и в случае пропажи скота на пастбище. Хозяйка опрокидывала в печь несколько пустых чугунов и говорила: «Каменный двор сделаю для лошади (или коровы, овцы), железным забором загорожу, чтобы ее волки не съели, чтобы она далеко не ушла». Это повторялось каждый вечер, пока животное не найдется [8, с. 82].

Апотропеическим средством считался и шум, который производили ударами о металлические предметы. Для воспроизведения ритуального шума часто применяли печные заслонки, сковородки, тазы, в которые били кочергами, палками и т. п. Этот магический прием использовался во время обхода дворов колядовавшими перед Рождеством и Новым годом. С помощью такого шума на Крещение прогоняли из деревни Шайтана, а ударами кочерги по печной заслонке пытались «избавиться» от Старика Мороза, «выгоняя» его из дымохода.

В целях отпугивания злых сил употреблялись и колокольчики. Они были одним из составных элементов так называемых шумящих украшений мордвок. Как и вышивка, аппликация и т. п., они (наряду с эстетическими) играли и защитительную роль. Не случайно всевозможные подвески, цепочки, бубенчики располагались на таких важных участках тела, как голова, грудь, пояс и бедра. Подобные украшения, естественно, издавали шум при ходьбе. Недаром соседи мордвы – русские – говорили: «Мордовку сначала услышишь, а потом увидишь». Такой шум должен был отгонять от женщин злые силы. Поэтому, например, на невесту надевали большое количество подобных украшений.

Обрядовый шум во время свадебного обряда производили при провах свадебного поезда из дома невесты: ее родственники били в ведра, заслонки, чтобы «расчистить» молодым путь от «нечистой» силы. Колокольчики привязывали на конец лопаты, которой вынимали свадебные пироги из печи. При этом стряпухи молились, чтобы они были «и целыми, и добрыми» [3, с. 91]. В этом случае апотропейная магия сливается с положительной, способствующей удачному приготовлению пирогов. А это, в свою очередь, должно было способствовать удачному браку. Подобное слияние наблюдается и в использовании колокольчиков, которые привешивали к дугам лошадей. Вероятно, первоначально их звон должен был отпугивать злые силы, а затем он стал знаком праздника, оповещением о приближении гостей, сватов и т. д., т. е. этот шум стал соотноситься с добрым предзнаменованием. Недаром у мордвы, если встречались на дороге два свадебных поезда, то дружки отвязывали от дуг колокольчики, наливали в них вина и угощали друг друга, желая благополучия молодым.

Обрядовый шум, имитирующий звуки грома, часто воспроизводился во время церемонии вызывания дождя. Например, на сельском молении велень пуре: «...во время питья мирского пива барабанили в звонкие металлические вещи...: в печные заслоны, медные тазы и т. д. ...что в понятии мордвы означало дождь, гром и молнию» [12, с. 25]. Так же поступали участники подобного обряда в русских селениях Рязанской и

Тамбовской областей. Русские производили ритуальный шум и во время обряда опахивания. Для этого они били в печные заслонки и сковородки [5, с. 96–97]. Удмурты устраивали большой шум во время родин – били ножницами или косырем в печные заслонки.

Апотропейные свойства железных предметов использовались и в лечебной магии. Распространенным приемом было обливание через них больного заговоренной водой. Так поступали при лечении ребенка от лихорадки. Его сажали на корыто, а над головой держали косу, на которую и лили заговоренную воду. При этом знахарка говорила: «Как... на косе не держится вода, так пусть и у (имя больного) не будут держаться 77 его болезней» [1, с. 72]. Чтобы уберечь роженицу от «сглаза», повитуха заставляла ее умываться водой, которую она лила через ухват.

Металлические вещи использовались в обрядовых циклах и по своему прямому назначению: с их помощью рубили, резали, кололи и т. д. После окончания сватовства отец невесты передавал свату нож для вырезания из принесенного последним каравая, «моленного куска» (*озондома пель* – м., *ознома пель* – э.), который жертвовался домашним божествам. Это было знаком того, что девушка переходит теперь под власть будущего свекра [10, с. 60]. Нож фигурировал и в обряде снятия верхней корки со свадебного пирога. Обычно это делал старший поезжанин. За его труды подруги невесты надевали на черенок его ножа медные кольца. Теперь данный обряд превратился в шутивное состязание: девушки стараются всячески помешать поезжанину, выхватывают у него нож. Если им удастся это сделать, то дружка выкупает его за деньги. В противном случае девушки, в свою очередь, одаривают уредева платком или кольцами [7, с. 217]. Топор дружка использовал для того, чтобы сделать им зарубку на стене – чуть выше двери, когда молодые входили в дом родителей жениха. Эта зарубка символизировала нового члена семьи. Похожим было применение топора и в одном из обрядов, сопровождавших постройку нового дома. Перед укладыванием потолочных балок устраивалось моление Куд аве. Во время него на одну из возведенных стен влезал старик, который обходил сруб, постукивая в углах топором. На вопрос

хозяина: «Кто там?», он попеременно отвечал: «сын» или «дочь» [14, с. 249].

В родильной обрядности ножом или ножницами повитуха обрезала пуповину. Иногда часть ее вместе с кусочком от последа вешали на какое-либо орудие труда: для мальчика на соху, «чтобы стал пахарем и всегда имел хлеб»; а для девочки – на ткацкий стан или прялку, «чтобы была хорошей ткачихой и пряхой» [1, с. 47].

Острыми металлическими предметами: ножом, топором, скребком – вырезали на крышке или стенках гроба отверстия (одно или несколько), похожие на окна. В Бугульминском уезде Самарской области в них даже вставляли стекло. Мордва считала, что на «том свете» гроб станет домом покойного и через прорубленные «окна» его душа сможет свободно выходить в мир живых. Через них должны были также доходить до умерших приношения, которые передавались родными во время поминовения. С начала XX в. данный обычай стал отмирать. Иногда делали лишь подобие окошек – чертили их изображение долотом или другим острым предметом по бокам гроба. Сейчас в большинстве регионов проживания мордвы от этого обычая осталась лишь традиция делать лопатой изображение окон на могильном холме. Но в некоторых селах Самарской области (Большой Толкай и Малый Толкай Похвистневского района, Старое Суркино и Новое Суркино Шенталинского района) и теперь на крышке гроба, на уровне лица покойного вырезают небольшое окошечко [7, с. 219].

Имитация трудовых процессов с использованием сельскохозяйственных орудий труда, таких, например, как серп, наблюдалась и в годовщину смерти человека. После окончания жатвы или уборки льна и конопли для него оставляли несжатые полосы этих культур, которые убирали особым образом: серп брался за острый конец, а срезанные колосья перебрасывали через голову. Затем серп втыкали в землю. Полагали, что тот, кто попытается использовать его, вскоре умрет. Возможно, что изначально этот серп предназначался самому поминаемому. Недаром во время жатвы, когда отделялся пай для усопшего, хозяин полосы говорил: «Загона конец дожинаю, половину снопа оставляю, мертвого пай; пусть придет жнец мертвый и до-

кончит» [14, с. 181]. Как известно, по народным воззрениям, соприкосновение с вещами умершего могло повлечь за собой смерть.

Особая «жатва» серпом проводилась и во время дожинок, завершавших уборку хлебов. У мордвы этот обряд назывался *тарваз озкс* («моление серпа»). По представлениям мокши и эрзи, богиня поля жила во ржи, поэтому каждый хозяин специально оставлял для нее несжатую полоску. Перед ней стелили белое полотенце, ставили на него хлеб-соль, втыкали в землю серпы, а все присутствовавшие садились на снопы и благодарили Пакса аву за хороший урожай. После молитвы старшая из женщин наvertsывала колосья на серп и вырывала их с корнем.

Подобные дожинки существовали у многих народов. Они также были связаны с духами поля: хлебной матушкой, овсяным человеком, ржаным волком и др. Все эти духи якобы скрывались в последнем снопе, что и вызывало особое почтение к нему. Во время дожинок обязательно проводились обрядовые действия с серпами, чтобы в будущем не порезать руки в период жатвы [5, с. 69; 16, с. 442–532; 18].

В процессе исторического развития преобразовались как сами обряды, так и их материальная среда. С уходом из быта традиционных форм металлической утвари и орудий труда часто исчезают многие связанные с ними ритуалы. Изменяется и смысл использования рассматриваемых материальных компонентов, они теряют свое символическое значение, начинают использоваться в развлекательных целях, как, например, борьба за верхнюю корку свадебных пирогов. Естественно, что изменяются и сами вещи: их форма, способы изготовления. В основном металлические предметы, используемые в современных обрядах, являются покупными, изготовленными промышленным способом, а не кустарным или ручным, как прежде. В обрядовые действия включались новые компоненты, заменяя или дополняя традиционные. Так, в качестве апотропеев вместо металлических предметов часто стали использоваться церковные атрибуты: кресты, иконы, ладанки и т.п. Таким образом, изменения в экономической и социальной сферах значительно преобразовали и вещно-предметную среду обрядовой культуры мордвы, как, впрочем, и других народов.

Библиографический список

1. *Беляева Н. Ф.* Традиционное воспитание детей у мордвы / Н. Ф. Беляева ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2000. – 206 с.
2. *Евсевьев М. Е.* Эрзянь-рузонь валкс / М. Е. Евсевьев. – М., 1931. – 227 с.
3. *Евсевьев М. Е.* Историко-этнографические исследования / М. Е. Евсевьев // Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1966. – Т. 5. – 552 с.
4. *Зеленин Д. К.* Магические функции примитивных орудий / Д. К. Зеленин // Изв. АН СССР. Отд. гуманитар. наук. – 1931. – № 6. – С. 713–732.
5. *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М. : Наука, 1991. – 512 с.
6. *Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы XIX – начала XX века. Весенние праздники.* – М. : Наука, 1977. – 358 с.
7. *Корнишина Г. А.* Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса / Г. А. Корнишина. – Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Germany, 2011. – 371 с.
8. *Корнишина Г. А.* Дом и ритуал в традиционной культуре мордвы / Г. А. Корнишина // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2012. – № 2. – С. 80–85.
9. *Корнишина Г. А.* Предметная символика мордовского свадебного обряда / Г. А. Корнишина // Вестник угроведения. – 2014. – № 2. – С. 109–115.
10. *Майнов В. Н.* Очерки юридического быта мордвы / В. Н. Майнов // Зап. РГО. – СПб., 1885. – Т. 14, вып. 1. – 267 с.
11. *Маркелов М. Т.* Мордва / М. Т. Маркелов // Религиозные верования народов СССР. – М. : Моск. рабочий, 1931б. – Т. 2. – С. 190–212.
12. *Русанов И.* Мордовский молян / И. Русанов // Пенз. епарх. ведомости. – 1868. – № 1. – С. 20–26.
13. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1981. – 608 с.
14. *Смирнов И. Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. – Казань, 1895. – 291 с.
15. *Толстой Н. И.* Труды Д. К. Зеленина по духовной культуре / Н. И. Толстой // Зеленин Д. К. Избр. тр. Статьи по духовной культуре 1901–1913. – М. : Индрик, 1994. – С. 9–25.

16. *Фрезер Д.* Золотая ветвь / Д. Фрезер. – М. : Изд-во полит. лит., 1980. – 783 с.
17. *Harva U.* Die Religiosen Vorstellungen der Mordwinen / U. Harva. – Helsinki, 1952. – 456 s.
18. *Mannhardt W.* Wald- und Feldkulte / W. Mannhardt. – Berline, 1866–1867. – Vol. 1–2.

References

1. *Beljaeva N. F.* Tradicionnoe vospitanie detej u mordvy / N. F. Beljaeva ; Mord. gos. ped. in-t. – Saransk, 2000. – 206 s.
2. *Evsev'ev M. E.* Jerzjan'-ruzion' valks / M. E. Evsev'ev. – M., 1931. – 227 s.
3. *Evsev'ev M. E.* Istoriko-jetnograficheskie issledovanija / M. E. Evsev'ev // *Evsev'ev M. E.* Izbr. tr. : v 5 t. – Saransk : Mordov. kn. izd-vo, 1966. – T. 5. – 552 s.
4. *Zelenin D. K.* Magicheskie funkicii primitivnyh orudij / D. K. Zelenin // *Izv. AN SSSR. Otd-nie gumanitar. nauk.* – 1931. – № 6. – S. 713–732.
5. *Zelenin D. K.* Vostochnoslavjanskaja jetnografija / D. K. Zelenin. – M. : Nauka, 1991. – 512 s.
6. *Kalendarnye obychai i obrjady v stranah Zarubezhnoj Evropy XIX – nachala XX veka. Vesennie prazdniki.* – M. : Nauka, 1977. – 358 s.
7. *Kornishina G. A.* Tradicionno-obrjadovaja kul'tura v sisteme mordovskogo jetnosa / G. A. Kornishina. – Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, Germany, 2011. – 371 s.
8. *Kornishina G. A.* Dom i ritual v tradicionnoj kul'ture mordvy / G. A. Kornishina // *Gumanitarij : aktual'nye problemy gumanitarnej nauki i obrazovanija.* – 2012. – № 2. – S. 80–85.
9. *Kornishina G. A.* Predmetnaja simbolika mordovskogo svadebnogo obrjada / G. A. Kornishina // *Vestnik ugrovedenija.* – 2014. – № 2. – S. 109–115.
10. *Majnov V. N.* Oчерки juridicheskogo byta mordvy / V. N. Majnov // *Zap. RGO.* – SPb., 1885. – T. 14, vyp. 1. – 267 s.
11. *Markelov M. T.* Mordva / M. T. Markelov // *Religioznye verovanija narodov SSSR.* – M. : Mosk. rabochij, 1931b. – T. 2. – S. 190–212.
12. *Rusanov I.* Mordovskij moljan / I. Rusanov // *Penz. eparh. vedomosti.* – 1868. – № 1. – S. 20–26.
13. *Rybakov B. A.* Jazychestvo drevnih slavjan / B. A. Rybakov. – M. : Nauka, 1981. – 608 s.
14. *Smirnov I. N.* Mordva. Istoriko-jetnograficheskij oчерk / I. N. Smirnov. – Kazan', 1895. – 291 s.
15. *Tolstoj N. I.* Trudy D. K. Zelenina po duhovnoj kul'ture / N. I. Tolstoj // *Zelenin D. K.* Izbr. tr. Stat'i po duhovnoj kul'ture 1901–1913. – M. : Indrik, 1994. – S. 9–25.
16. *Frjezer D.* Zolotaja vetv' / D. Frezer. – M. : Izd-vo polit. lit., 1980. – 783 s.
17. *Harva U.* Die Religiosen Vorstellungen der Mordwinen / U. Harva. – Helsinki, 1952. – 456 s.
18. *Mannhardt W.* Wald- und Feldkulte / W. Mannhardt. – Berline, 1866–1867. – Vol. 1–2.

Поступила в редакцию 10 сентября 2015 г.

Сведения об авторе

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Историко-социологического института ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». Область научных интересов: этнология, мифология, фольклористика. Автор около 200 научных и учебно-методических работ.

Тел.: (8834) 24-02-61

E-mail: Kornishina@rambler.ru

Kornishina Galina Albertovna – doctor of historical sciences, professor of the chair of history of Russia of National Research Ogarev Mordovia State University. Scientific research: ethnology, mythology, folklore studies. The author of more than 100 scientific publications.